

## КТО ПОМНИТ О СМЕРТИ, ТОТ НЕ МОЖЕТ ГРЕШИТЬ

Автор: pavel

---

## КТО ПОМНИТ О СМЕРТИ, ТОТ НЕ МОЖЕТ ГРЕШИТЬ

27.04.2020

Архимандрит Рафаил (Карелин)



Три вещи неизвестны человеку: когда он умрет, где он умрет и какая участь ожидает его за гробом. Поэтому человек должен всегда ожидать смерти и постоянно помнить, что день сегодняшний может оказаться днем последним. Поэтому именно **сегодняшний день – день спасения**. Господь обещал принять грешника, если тот покается от всего сердца, но Он не обещал какого-то точно определенного времени для покаяния, ибо ведал лукавство человеческой души.

Зная день и час своей смерти, человек будет говорить в сердце своем: «Это еще далеко, успею взять от этой жизни все, что она может дать, а затем, перед смертью, начну покаяние». Но покаяние – это желание быть с Богом, это начало борьбы с прежним хозяином, демоном, которому человек служил всей своей греховной жизнью, это возможность стяжания благодати. Лукавое сердце, которое хочет обмануть Бога, окажется не способным к покаянию: перед смертью оно окаменеет, и человек впадет или в холодное безразличие, или в отчаяние. Поэтому Господь премудро сокрыл время смерти: ее не видно, как путника в тумане; она входит в дом без стука; она, как неожиданный гость, не предупреждает о своем приходе; она уводит человека за собой, как страж уводит узника на суд, – в том, в чем застанет его.

Человек всегда грешит, поэтому чувство покаяния должно быть для христианина постоянным чувством; враги же смертной памяти суть **многопопечительность, многословие** и **шутки**.

**Многопопечительность** – это напрасное расточение времени. Человек забывает о самом главном – о себе самом. Ему постоянно не хватает времени, чтобы наконец задуматься: кто он, зачем он на земле? Он похож на брошенный на зеленое поле бильярдного стола шар, который от невидимых ударов катится, как бы мечется из стороны в сторону. Человеку даже некогда подумать, зачем и кому все это нужно: эта спешка, этот вечный бег! Такой человек не оставил Богу в своей жизни места, он забыл о смерти, он не видит своих грехов. Метафизические вопросы интересуют его меньше, чем наличие жизни в далеких галактиках. Ему кажется, что подобными вопросами могут заниматься только бездельники или мечтатели, а у него для таких пустяков времени нет. В этой постоянной суете, в этом водовороте дел он словно прячется от Бога. Смерть настигает его неожиданно. Он похож на бегуна, который внезапно падает, споткнувшись о камень. Умирая, он думает о том, что не окончил своих дел. Вечная жизнь и духовный мир для такого человека – неприятная, страшная неожиданность.

Второй враг памяти о смерти – **многословие**, одно из проявлений скрытой гордыни.

Господь говорит в Священном Писании: «

*а кого възрю, только на кроткого и молчаливого*

» (Ис. 66:2). Истинно так: смирение и кротость, столь любезные Богу, сопряжены с молчанием. Многословие – страсть, подобная пьянству, она порабощает человека, так что он становится как бы придатком собственного языка. Если человек, превративший себя в рабочего муравья, отнял у себя время, данное ему для приготовления к вечности, растратил его на внешнее и стал духовным банкротом, то болтун – вор не только своего, но и чужого времени.

Болтун в глубине души считает, что он уже все знает и ему остается только одно: учить других. А ведь на деле многие говорят лишь потому, что не научились молчать. Святые отцы утверждали, что человек, сделавший из великого дара – слова – развлечение для себя, похож на блудника. Поэтому многословный человек отвратителен для людей, чужд Богу.

Многословие – это бессмысленное расточение душевных сил. Молитва человека многословного делается немощной, рассеянной, сухой, подобно чахлому растению. Много говорящий теряет способность глубоко мыслить, не может остановить, сконцентрировать свою мысль на требующем внимания вопросе. Он становится похож на обжору, глотающего пищу, не разжевывая ее, уподобляется колокольчику, который звенит, потому что пуст внутри. Или – обтянутому ослиной кожей барабану, который своим грохотом заглушает все. Истинно: «Слова расточают, молчание собирает». Конец многословия – опустошение души и потеря благодати. Всевидящий Бог как бы «не видит» человека-пустослова, потому что и тот неспособен в сердце своем видеть Бога, неспособен к богообщению, требующему сосредоточения мысли. Рыбак выуживает рыбу из воды, когда она заглатывает крючок своим ртом, а здесь диавол держит болтуна, как свою добычу, за язык.

Смерть – это тайна, а соприкоснуться с тайной можно только в безмолвии. Болтун может жить у самого кладбища, видеть, как каждый день мимо его окон несут гробы, и в то же время не помнить о том, что когда-нибудь придется умирать и ему. Память смертная требует того, что болтун потерял, – способности созерцать, как бы запечатлевать письма на собственном сердце. Память о смерти, как и все, необходимое для спасения, это благодатный дар, а болтун, за шумом произносимых им слов, не может услышать в своей душе тихий голос благодати.

Смерть приходит к словоблуднику так же неожиданно, как и к многопопечительному: ведь, перебирая и обсуждая чужие дела, он совсем забыл, что она существует. Но если человек, погруженный в суетные заботы, уходит из этого мира пустым, то болтун вовсе не пуст: у него за плечами целый мешок чужих грехов, ставших **его** грехами. По привычке он пробует заговорить с самой смертью, но не получает ответа.

Не меньше, чем многословие, противна памяти смертной и привычка постоянно **шутить**. Царь Соломон сравнивал смех с треском горящего хвороста, который дает дым, но не тепло. Шутки и насмешки – то же пустословие, только пропитанное ядом, который,

подобно змее, копит человек в своем сердце. Человек – образ Божий. Насмешка – желание представить его в безобразном виде, то есть лишить образа Божия, показать уродливым, как Квазимодо.

Шутка делает человека циничным и наглым. Это порождение гордыни: насмешник стремится унижить ближнего, чтобы показать свое мнимое превосходство. Мы испытываем удовольствие, когда слышим шутки, именно потому, что они дают разрядку потенциалу накопившегося в нас зла. Мы склонны выдавать шутку за благодушие, но ни один шутник не любит, чтобы смеялись над ним.

Синоним слова «диавол» – «шут». И действительно: диавол забавляется, играя с человечеством, он смеется над гибелью людей. Поэтому человек, который привык шутить, подражает демону. Как фантаст создает некую иллюзорную «реальность», так шутник строит музей уродств, в который приглашает посетителей. Его душа находится в мире зазеркалья, только у каждого зеркала – кривая поверхность. Помню, как однажды, когда я был еще ребенком, родители повели меня на какой-то аттракцион. На площади стояла большая палатка в виде шатра, внутри были размещены огромные зеркала с выпуклой и изогнутой поверхностью. Я видел в них себя то похожим на лилипута с огромным животом, то вытянутым вверх, точно меня растянули, как резину, так что голова касается потолка, то разрезанным на части, то перевернутым вверх ногами. Я не понимал, почему смеются вокруг люди, – мне эти зеркала внушали страх, как будто они похитят меня и сделают другим, как будто я исчезну в глубине зеркал, а оттуда выпрыгнут уроды, похожие на меня. Я стал прижиматься к матери.

– Тебе скучно? – спросила она.

– Да, – ответил я.

Как видно, этот балаган не понравился и ей самой, и она быстро вывела меня из палатки. Я обрадовался, что остался таким же, каким был...

Основа религии – благоговение. Шутки и смех уничтожают благоговение и делают душу мертвой и бесплодной, подобно тому как знойный ветер песков превращает цветущие сады в пустыню. Насмешник также не может размышлять о смерти, не может думать о

метафизических вопросах: привычка шутить представит их в нелепом, уродливом виде. Говорят, что профессиональные шуты отмечают смерть своего собрата публичной клоунадой. Так, когда хоронили королевских шутов, то сама похоронная процессия превращалась в карнавал.

Господь сказал: «*Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете*» (Лк. 6:25). Смех заставляет человека забывать о существовании демонического мира, о том, в какой опасности находится его душа. Смех и шутки рождают дерзость. Сколько соблазнов и грехов начинается со смеха! Если пустослов быстро забывает о смерти, то острослов готов передразнивать смерть. Здесь – какая-то жуткая мистерия смеха, человек смеется над черепом, а череп смеется над ним.

О преподобном Исихии повествуется, что вначале он жил нерадиво и нисколько не заботился о своей душе. Тяжело заболев, Исихий умер, но затем Промыслом Божиим вновь был возвращен к этой жизни. Он увидел воочию лицо смерти, увидел рай и ад. После этого он затворился в своей келии и плакал день и ночь. Никто не слышал от него пустого слова, никто не видел улыбки на его лице. Умирая, он сказал братии: «Простите, кто помнит о смерти, тот уже не может грешить». Первая смерть была для него неожиданной и ужасной, она застала его врасплох, как страж застигает вора на месте преступления. Смерть вторая исполнила его сердце радостью.

Кто не помнит о смерти, к тому смерть приходит как враг и ведет его в плен, точно закованного в цепи. Кто помнит о ней, к тому она приходит как друг и ведет его как освободитель от трудов и страданий в страну вечного покоя.

Царь Соломон сказал: «*Спеши в дом плача больше, чем в дом смеха*» (Еккл. 7:2,4), а нередко человек делает «дом смеха» из собственного сердца, «дом», где нелепо и бесцельно проходит вся его жизнь. В постоянных заботах о мирских делах, многословии и смехе он хочет укрыться от какого бы то ни было напоминания о смерти: так согрешивший Адам, забыв о всеведении Бога, тщетно и жалко прятался от Него среди деревьев.

Мы переживаем время, пропитанное фаустовским духом. Человек предлагает душу дьяволу, желая увековечить земное бытие. Дьявол – лжец, поэтому он охотно обещает то, что для него невозможно. Фауст выставляет для договора с сатаной, который подписывает собственной кровью, два условия. Первое – сатана должен дать ему

наслаждение, которое наполнило бы его душу радостью, как наполняют кубок вином, до краев, когда он сказал бы: «Мне больше ничего не надо». Второе – сатана должен остановить мгновенье, сделать его продолжающимся бесконечно; время должно остановиться, как поток реки, внезапно превратившейся в лед.

Легенды о Фаусте собрал Гёте – оккультист высоких инициаций – и написал на основании их свою драму, которая является по сути своей розенкрейцерской мистерией. Здесь мы можем видеть сатанинскую стратегию: уничтожить память о смерти, употребив страсть. Страсть – это крючок, на который попадает человеческая душа. Страсть – это козырная карта в руках дьявола, когда он начинает свою игру с человеком. Дьявол обещает ему, как Фаусту, дать наслаждение, когда человек воскликнул бы: «Мгновенье, остановись!», и продлить это мгновенье, подобно тому как раскручивается нить шелкового кокона, только бесконечно. Всякая страсть противостоит памяти о смерти. Всякая страсть выбрасывает ее вон за пределы сознания. Память о смерти кажется человеку, ищущему счастья в наслаждениях, черной маской на свадьбе.

Для христианина же память о смерти, соединенная с молитвой, – это меч, направленный против демона. Пока человек помнит о предстоящем исходе, пока мистическое переживание смерти заставляет трепетать его сердце, он не может грешить, как не может, будучи в своем уме, спать у змеиной норы или веселиться в доме, охваченном пламенем.

Исполнение страсти – это ложная жизнь, это иллюзия того, что наслаждение может принести человеку счастье. И другая иллюзия – что наслаждение может продолжаться бесконечно (сердце должно поверить в такие нелепости, чтобы отдать себя страсти!). Вся человеческая жизнь – непрерывное крушение иллюзий – этих и иных, им подобных. Крушение иллюзий – урок, который человек постоянно получает и удивительно быстро забывает.

Дьявол не может остановить время. Он сам ожидает Страшного Суда и вечных мучений. Но он может сделать нечто иное: отнять у человека память о смерти и внушить ему уверенность в незыблемости земного бытия.

Есть странная секта, у членов которой желание жить на земле вечно превратилось в навязчивую манию. Учение этой секты утверждает: люди умирают потому, что они

поверили в свою смерть. И, следовательно, чтобы не умереть, достаточно поверить, что ты... не умрешь. Когда же кто-то из членов этой секты все-таки умирает, то это вовсе не отрезвляет остальных. Они говорят: «Их смерть произошла из-за маловерия, они поколебались в вере в то, что смерти нет, они допустили в своем сердце, что умрут, и были наказаны смертью за сомнение. Но это их дело, а мы верим, что не умрем, и будем жить вечно».

Эта секта возникла в XIX веке там, где она должна была возникнуть – в Америке, и существует до сих пор. Члены ее медитируют на тему того, что они никогда не умрут, что смерти нет, а затем, неожиданно для себя, умирают и отправляются в крематорий или на кладбище.

Будем честны, посмотримся по-настоящему в свое сердце: не теплится ли там что-то похожее на надежду этих несчастных сектантов? Не утешаем ли мы себя мыслью, что смерть, закрыв глаза, пройдет мимо нас, что мы одни окажемся скрытыми от ее всевидящих очей? Ум говорит: «Я умру, Промысл Божий еще до сотворения мира уготовал мне могилу, где тело мое пребудет до Страшного Суда». Душа возражает: «Нет, я не умру, это слишком ужасно, чтобы могло быть правдой». Что делать нам в этом споре ума с душой? Просить, чтобы Господь даровал нам, как сказано в молитве святителя Иоанна Златоуста, «память смертную и умиление», которое рождается от этой памяти в человеческом сердце. Пусть наше сердце будет твердым, как камень, а слова молитвы мягкими, как вода, но струи воды, падая с высоты на камень, постепенно истончают его.

Есть картина: преподобный Макарий Великий размышляет о смерти. Египетская пустыня. Вдали видны пирамиды – эти надгробия над могилами древних фараонов. Около пещерных келий сидит на камне преподобный Макарий. Перед ним – человеческий скелет и брошенные лопата и кирка. Возможно, он хочет предать погребению земле монаха, жившего здесь до него. Преподобный погружен в размышление о скоротечности этой жизни. За его спиной стоит смерть. В одной руке она держит косу, в другой – песочные часы. Часы означают время, данное человеку. Коса – неизбежный конец. Справа от Макария стоит Ангел со свитком в руке. На свитке – надпись: «*Макарий, спеши делать добро*».

Иногда на этой картине изображаются солнечный день, песчаное пространство пустыни, груды камней, опаленных солнцем, почерневших и растрескавшихся, как после пожара. Тогда вся пустыня кажется образом смерти. Иногда же изображается ночь. Свет луны падает на кости и череп, как бы выхватывая их из мрака. Темнеющие где-то

## КТО ПОМНИТ О СМЕРТИ, ТОТ НЕ МОЖЕТ ГРЕШИТЬ

Автор: pavel

---

на краю горизонта пирамиды едва различимы. Здесь, у келии преподобного Макария, – точно битва темных и светлых сил. Макарий смотрит на останки почившего, чтобы мир не прокрался в какой-нибудь уголок его души, чтобы не привлек к себе ни одну из его мыслей, оторвав ее от молитвы, хотя бы это был помысл, тонкий, как волос, который трудно увидеть, который мы во мраке своей души не различили бы никогда. Кажется, что мир, словно птицелов, расставил свои сети, но преподобный, простерши два крыла – молитвы и памяти смертной, поднялся выше их и парит, подобно орлу, в необъятном просторе небес.